

Государственное регулирование экономики

КАКОЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ПЛАН ДО 2025 ГОДА НУЖЕН РОССИИ?

Абел АГАНБЕГЯН

Абел Гезевич Аганбегян —
академик РАН, заведующий кафедрой РАНХиГС
(119571, Москва, просп. Вернадского, д. 82).
E-mail: aganbegyan@rane.ru

Аннотация

В статье показано, что возобновление социально-экономического роста после стагнации и рецессии 2013–2017 годов окажется для России намного более трудной задачей, чем преодоление кризиса 2009 года, из-за отсутствия послекризисного подъема, необходимости мобилизации новых источников роста, преодоления сил, тянущих экономику вниз, — в том числе санкций. Прежние источники экономического роста — высокие цены на нефть, приток иностранного капитала, опережающее увеличение бюджета и кредитных средств — остались в прошлом. Отсутствие даже элементарной координации между действиями разных ветвей государственной власти касательно экономического роста — главная причина перехода страны к стагнации и рецессии. Автор обосновывает необходимость разработки для всех ветвей государственной власти единого комплексного плана социально-экономического развития, охватывающего расширенный консолидированный бюджет, включая региональные бюджеты, крупнейшие корпорации, контролируемые государством («Газпром», «Роснефть», РЖД, Росатом, Ростехнологии), госбанки, контролирующие 60% всех банковских активов страны, другие внебюджетные предприятия и организации федерального, регионального и муниципального назначения. Показано, что отсутствие единого плана их деятельности обусловило в 2013–2015 годах сокращение инвестиций, контролируемых государством, на 25%, что привело страну к стагнации и рецессии. Поэтому России нужна не обычная перспективная программа, традиционно составляемая Минэкономразвития в виде доклада с проектными безадресными показателями, а реальный комплексный план с адресными показателями для предприятий и организаций, контролируемых государством, с единым финансово-кредитным (проектным) планом, в том числе с конкретной инвестиционной программой, инновационной программой и системой мер по стимулированию и структурным реформам, включая налоговую реформу.

Ключевые слова: стратегическое планирование, комплексный план, инвестиционная программа, инновационная программа, структурные реформы, налоговая реформа.

JEL: O10, O11, O13, O15, O16.

Введение

На пресс-конференции в декабре 2016 года Президент РФ Владимир Путин сообщил, что дал поручение Правительству РФ разработать к маю 2017 года комплексный план экономического развития России до 2025 года. Минэкономразвития, как заявили его сотрудники, подобный план разработало. Они выделили 10 важнейших проблем и создали комиссии по их анализу. Перечень этих проблем удивил независимых экспертов: в списке отсутствуют инвестиции в основной капитал — главный источник роста, отсутствуют проблемы преодоления бедности — основной социальной проблемы, отсутствуют задачи снижения инфляции и ключевой ставки Банка России — важнейшего условия, стимулирующего рост, а также финансово-кредитное обеспечение проектируемого экономического роста. Полагаю, это не комплексный план, а доклад с таблицами показателей без достаточных обоснований (что принималось ранее).

Между тем возобновление социально-экономического роста после пятилетней стагнации и рецессии 2013–2017 годов — *сверхтрудное, необычное и новое для всех нас дело.*

Во-первых, после рецессии 2015–2016 годов не будет обычного послекризисного подъема, как это было после кризисов 1998–1999 годов и 2008–2009 годов. Напомним, что после снижения на 7,8% ВВП и на 10,8% промышленного производства в 2009 году в первом восстановительном 2010 году эти показатели выросли сразу на 4,5 и 8,2%. Итоги первого полугодия 2017 года показывают, что из рецессии мы перешли к стагнации с небольшим ростом ВВП, промышленности и инвестиций при нулевом увеличении стройиндустрии и продолжающемся сокращении розничного товарооборота, реальных доходов населения и жилищного строительства. Преодоление рецессии во многом связано с 30-процентным ростом выручки от экспорта из-за некоторого повышения цен на нефть. Сокращение инфляции до 4,4% связано со слабым спросом населения из-за снижения доходов, которое в 2014–2017 годах составило более 10% на душу населения¹.

Во-вторых, прежние источники экономического роста — высокие цены на нефть, приток иностранного капитала, опережающее увеличение бюджета и кредитных средств — остались в прошлом. И, как указал Президент РФ Владимир Путин, нам нужны новые источники — в первую очередь мобилизация внутренних ресурсов и возможностей наших предприятий, организаций и банков, а мы

¹ См.: Социально-экономические показатели Российской Федерации в 1991–2015 гг. (приложение к сборнику «Российский статистический ежегодник. 2016»). Доступно в: www.gks.ru.

этим никогда не занимались и делать этого не умеем. Придется менять экономическую политику, к чему страна и ее руководство не готовы.

В-третьих, мощные силы тянут нашу экономику вниз — санкции против России; устаревающие основные фонды (особенно машины и оборудование), четверть которых уже отработали свой срок; уродливая малоподвижная структура народного хозяйства и экспорта с креном в топливно-сырьевые капиталоемкие отрасли и в производство полуфабрикатов и традиционных материалов; значительно сокращающиеся расходы госбюджета, принятого на 2017 год и предопределенного на 2018–2019 годы; крайне низкая доля инвестиций в основной капитал (17% ВВП в 2016 году) и в сферу «экономики знаний» (13%), еле-еле обеспечивающих простое воспроизводство; высокая ключевая ставка ЦБ и стагнирующий капитал, активы и объем кредитов наших банков и др. Нужны сверхусилия, чтобы всё это переломить².

В-четвертых, предстоящее сокращение трудовых ресурсов на 10 млн человек из-за демографических сдвигов, самая низкая в Европе занятость работающих по числу часов, низкая производительность труда, развитое иждивенчество. Большинство населения не готово перейти к интенсивной высокопроизводительной работе.

Нужно всё это переломить, а для этого придется пойти на масштабные меры, на серьезные перемены, на пересмотр утвердившихся представлений, а кто не сможет этого сделать, тех придется увольнять, менять. Нужна будет действенная политическая воля, активная руководящая роль государства не в присвоении собственности, не в картельных играх, не в поддержании экономики на плаву и в смягчении трудностей, не в декларациях и дележе имеющегося «пирога», а в обеспечении ускоренного социально-экономического роста. Поставлена задача уже в 2019–2020 годах достичь темпов экономического развития, превышающих общемировой тренд, который до 2016 года составлял 3,3% в год. Так что с позиций данного момента нам достаточно в эти сроки выйти на темпы в 3–3,5%.

Именно поэтому нам нужен всесторонний, четкий *комплексный* план, а не такой, о котором говорится в правительственных кругах. Чтобы добиться здесь перелома, нужна мобилизация *всех* сил и средств *внутри* страны. У нас нет надежды на значительный приток средств из-за рубежа, поэтому крайне важен акцент на комплексный, всеобъемлющий характер этого плана.

² См.: Специальный расширенный выпуск доклада «Социально-экономическое положение России» за 2016 год. Федеральная служба государственной статистики.

1. Требуемые характеристики плана развития российской экономики до 2025 года

В России инициатором экономического роста может быть только государство. Ведь в результате политики огосударствления экономики предприятия и организации, контролируемые государством, сегодня, по данным ФАС, производят до 70% всего ВВП страны (против 35% в 2005 году)³. В том числе на долю бюджетных предприятий и организаций приходится 37% ВВП, еще до 20% составляют крупнейшие корпорации и банки, контролируемые государством. Речь идет о «Газпроме», «Роснефти», РЖД, Росатоме, Ростехнологиях, Сбербанке, ВТБ и ВТБ-24, «Газпромбанке» и «Сельхозбанке». Имеется также большое число других внебюджетных предприятий и организаций в государственной собственности на всех уровнях. Кроме того, в руках государства налоговая система, регулирование финансовой деятельности, в том числе ключевая ставка Банка России, таможенные пошлины и т. п. Государство всё шире использует государственно-частное партнерство.

Таким образом, общее воздействие государства на социально-экономическое развитие без преувеличения может быть оценено в 80%. Но эта оценка действительна только при одном условии: если все ветви государственной власти будут работать во взаимодействии — как единый народнохозяйственный комплекс, нацеленный на достижение выдвинутых целей. Но этого, к сожалению, в последние годы не наблюдается.

В 2013–2016 годах стагнация и рецессия во многом имели место потому, что государство, которое контролировало половину всех инвестиций в основной капитал и три четверти вложений в человеческий капитал, *сократило* эти инвестиции более чем на 25% и вложения — на 15%. А ведь это — главные источники экономического роста. И хотя частный капитал обеспечил рост всех инвестиций и вложений на 10%, в целом они снизились на 12% и потянули экономику вниз. К тому же за последние 9 лет отток капитала из России составил более 700 млрд долл.,⁴ и в последние годы из-за снижения цен на нефть экспортная выручка сократилась в 2014–2016 годах по сравнению с 2012 годом на 460 млрд долл. С 526 млрд долл. в 2013 году экспорт товаров сократился до 281,8 млрд долл. в 2016 году⁵.

³ Доступно в: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2016/09/29/658959-goskompanii-kontroliruyut-ekonomiki>.

⁴ Доступно в: <http://www.credinform.ru/ru-RU/news/details/ac2cd8acb48c>.

⁵ Доступно в: <https://www.madeinrussia.ru/ru/news/1175>.

Это недофинансирование экономического роста при стремительно устаревающей материально-технической базе и сокращающейся сфере «экономики знаний» привели нас сначала к стагнации, а потом при «содействии» санкций и снижении цен на нефть — и к рецессии. Столь значительное снижение инвестиций в основной капитал по государственной линии не было предусмотрено. Оно явилось результатом разрозненных действий ветвей государственной власти: в структуре федерального и региональных бюджетов на 27% были снижены инвестиции из-за переключения средств бюджетов на текущие нужды по выполнению Указов Президента РФ от 7 мая 2012 года, госбанки на 25% сократили инвестиционное кредитование из-за повышения ключевой ставки, корпорации, прежде всего «Газпром» и РЖД, резко снизили капитальные вложения после прекращения строительства «Северного потока» и олимпийских объектов Сочи.

Какая-либо единая экономическая, в первую очередь инвестиционная, политика государства *отсутствовала*. Никто не оценивал пагубных последствий столь значительного снижения инвестиций и их доли в ВВП (с 21% в 2012 году до 17% в 2016 году) вместо увеличения их доли до 25% в соответствии с Указом Президента РФ от 7 мая 2012 года «О долгосрочной государственной экономической политике». При этом вложения в сферу «экономики знаний» в ВВП тоже сократились с 15 до 13% (по сравнению с 30% в Европе и 40% в США)⁶.

Отсутствие даже элементарной координации между действиями разных ветвей государственной власти касательно экономического роста — вот главная причина стагнации и рецессии. И если мы хотим добиться подъема экономики, преодолеть кризис, то единственный путь — действовать комплексно прежде всего всем государственным органам, ибо в их руках основные резервы и источники экономического роста.

Основной дополнительный источник инвестиций — активы государственных банков — около 50 трлн руб. из общих активов 82 трлн руб. Другой источник — ресурсы крупнейших корпораций, контролируемых государством, а это — до 20% всех инвестиций страны. Нужно перестроить и бюджет — превратить его из бюджета стагнации в бюджет развития с растущими инвестициями [Аганбегян, Руденский, 2016].

Говоря о комплексном плане, мы имеем в виду не только совместное рассмотрение экономических показателей, например объем инвестиций. Крайне важно увязать этот размер инвестиций с налоговыми изменениями, поскольку объем инвестиций

⁶ Доступно в: www.gks.ru/free_doc/doc_2016/social/utoch-osn-12-2016.pdf.

может быть увеличен, если ввести налоговые льготы, например при инвестировании за счет прибыли. Данную ситуацию надо комплексно рассматривать и в аспекте амортизационной политики, так как больше половины средств на инвестиции предприятия направляют из амортизационного фонда, который прямо зависит от сроков амортизации, возможности ускоренной амортизации, а всё это устанавливается государством и подвержено серьезным изменениям. За счет прибыли и амортизации предприятий дополнительно можно изыскать в год до 2 трлн руб. инвестиций в основной капитал.

Огромное влияние на размер инвестиций оказывают ключевая ставка Банка России и его резервные требования. Доля «длинных» денег в банковских пассивах — размер инвестиционного кредита в основной капитал — может быть в разы увеличена при взаимодействии Казначейства и Банка России за счет выпуска долговременных ценных бумаг, выдачи долгосрочных кредитов под их залог и т. д., что у нас просто не делается в отличие от других стран.

А ведь банки могли бы вкладывать деньги и в развитие человеческого капитала — второй после инвестиций в основной капитал источник экономического роста, предоставив выгодные долгосрочные кредиты на обучение и повышение квалификации, на получение более качественных знаний, то есть на то, во что все развитые страны вкладывают огромные средства. Вместо сегодняшних 0,5 млрд руб. кредитов на эти цели со стороны Сбербанка этот объем нужно увеличивать на порядок.

Когда мы говорим о комплексном подходе, мы имеем в виду также совместное рассмотрение экономических показателей с институциональными преобразованиями, связанными с введением стимулирования или с устранением препятствий на пути инвестиций и экономического роста. Другими словами, комплексность надо понимать в широком смысле — с позиции воздействия на конечный целевой результат социально-экономического развития.

2. Главное — целевая направленность всех звеньев комплексного плана

После распада СССР в период перехода от централизованной системы планирования и управления к рыночной экономике вместе с водой, которой немало накопилось в цистернах советского периода, был «выплеснут и ребенок». Речь идет о том ценном, что было присуще социалистической системе управления. Ценность здесь — план, *планомерность*, причем план перспективный, пятилетний. Многие капиталистические страны мира, ориентируясь на опыт СССР, взяли это на вооружение. Такой план был у послевоенной Франции — он

помог ей быстро восстановиться. Еще большую роль пятилетний план сыграл в стремительном развитии Японии. Пятилетний план лежит в основе и успешного развития экономики Турции и Южной Кореи. Он до сих пор является основой управления в огромном Китае.

Россия же по непонятным причинам попросту отказалась от планирования, оставив в виде главного документа государственной политики федеральный бюджет, который охватывает только одну шестую часть нашего ВВП, оставляя остальное фактически за пределами централизованной государственной политики. К тому же, как известно, федеральный бюджет *не содержит целевых показателей*, а содержит только статьи доходов и расходов. А без целевых показателей достичь нужного результата затруднительно.

Кроме того, федеральный бюджет не является в прямом смысле бюджетом развития. Он скорее является бюджетом поддержания некоторого улучшения ситуации в экономике. Если посмотреть на федеральный бюджет как на источник финансовых средств для экономического роста, то здесь он играет совсем небольшую роль. За счет федерального бюджета финансируется менее 10% всех инвестиций — в 6 раз меньше, например, собственных инвестиций предприятий. Невелики расходы федерального бюджета и на человеческий капитал. Основная часть этих средств проходит по линии региональных бюджетов и частных средств.

Что касается региональных бюджетов, то каждый регион сам разрабатывает бюджет. Целевым образом их никто не сводит, не направляет. Если в 2000-е годы 14% региональных бюджетов шло на инвестиции, то в период восстановления в 2010–2012 годах — только около 8%, а в 2015 году — лишь 5,6%.

Особняком стоят основные положения денежно-кредитной политики. Они не связаны ни с бюджетом, ни с планами министерств и корпораций. Там даже слова нет об *инвестиционном кредите* — главном источнике роста в США, Германии и многих других странах. В развитых странах 30–40% всех инвестиций в основной капитал осуществляется за счет инвестиционного кредита банков, в Китае и развивающихся странах — 15–20% и только в России — всего 6% в 2015 году со стороны отечественных банков. Этот объем легко увеличить в 3–5 раз, так как в активах наших банков инвестиционный кредит составляет около 1 трлн руб., или 1,3% всех активов.

Мы предлагаем преобразовать Минэкономразвития в Министерство планирования и экономического развития и поручить правительству составить детальный трехлетний план на 2018–2020 годы с программой действий и укрупненный пятилетний план на период 2021–2025 годов, имея в виду его детализацию в 2019–2020 годах. Создание единого комплексного плана должно внести коренные изменения в этот процесс.

Поскольку у нас роль государства в народном хозяйстве — в создании ВВП — является преобладающей, для нас особенно важен единый план с конкретными целевыми показателями. Причем эти показатели должны пронизывать данный план снизу вверх, а сумма региональных показателей должна балансироваться с целевыми показателями по России. Также должна быть установлена взаимосвязь показателей по горизонтали. Для нашей страны это особенно важно, поскольку у нас сильно развита теневая экономика. И только использование балансовых расчетов позволяет определенным образом учесть теневой сектор в расчетах и сделать план более обоснованным.

Ключевым показателем, на который должен быть нацелен комплексный план, является *экономический рост*: то есть прирост ВВП, из которого черпаются и средства для потребления домашних хозяйств, и инвестиционные средства, и все другие ресурсы, которыми располагает общество. Если в 2017 году комплексный план будет принят и начнет осуществляться с 2018 года, то при увеличении инвестиций в основной капитал и в «экономику знаний» (то есть в человеческий капитал) по 8–10% в год мы перейдем к экономическому росту в 2018–2019 годах. А в 2020 году этот рост составит не менее 3–3,5%, то есть будет не ниже мировых показателей и в 1,5–2 раза выше среднего прироста ВВП по развитым странам мира.

Главное — это повышение доли инвестиций в основной капитал в ВВП с примерно 17% в 2016 году до 22% и повышение доли вложений в «экономику знаний» соответственно в ВВП с 13 до 17% в 2020 году. Если эту линию продолжить, то к 2025 году эти доли вырастут по инвестициям до 28% и по вложениям в «экономику знаний» до 23% ВВП. Это поднимет среднегодовые темпы роста экономики к тому времени примерно до 4–5%, то есть до уровня развивающихся стран. При этом мы будем двигаться вперед в 2–2,5 раза быстрее развитых стран и в 1,5 раза быстрее общемировых показателей.

Нужно обратить внимание не только на количественные показатели прироста ВВП, но прежде всего на качественную сторону дела. Важно, чтобы этот рост происходил в основном за счет повышения эффективности, а не объема используемых ресурсов. Такой рост должен происходить при значительном снижении энергоемкости, при повышении производительности труда, при сокращении материалоемкости производимой продукции, а главное — при повышении качества продукции и при увеличении в составе ВВП доли высокотехнологической продукции, и особенно интеллектуальных и социальных услуг.

Сегодня мы имеем весьма уродливую структуру нашей экономики. У нас около $\frac{3}{4}$ составляют традиционные продукты с относительно низкой добавленной стоимостью. Чрезмерно велика доля топливно-энергетических продуктов при их недостаточно эффективном использовании, высок удельный вес полуфабрикатов, традиционных материалов. В то же время весьма низка доля синтезированных, современных материалов, результатов глубокой переработки сырья. Минимальна и низка доля инвестиционных изделий в составе ВВП — машин, оборудования, приборов. Их долю нужно поднять как минимум вдвое, а в экспорте — втрое, и прежде всего за счет высокотехнологической их части. Тем самым мы *избавимся от нефтегазовой «иглы»*, от которой доходы нашего бюджета, инвестиции, доходы населения зависели на 40–50%, а сейчас, при снижении цен на нефть, — на 30–35%.

Что касается сферы услуг в России, то почти треть их занимают торговые услуги, где производительность труда крайне низка. В развитых странах мира, где торговля развита намного выше, ее доля в ВВП, тем не менее, существенно меньше, чем в России, — 15% вместо 20%. Зато в развитых странах намного выше доля «экономики знаний». Чтобы приблизиться к ним, эта сфера должна увеличиваться у нас ежегодно как минимум на 8–10%.

Как только мы сумеем удвоить долю «экономики знаний» в нашем ВВП, можно будет говорить о переходе нашей страны от индустриального к постиндустриальному обществу, где сфера интеллектуальных услуг превзойдет удельный вес промышленности в создании ВВП. К 2025 году мы вплотную подойдем к этому рубежу, а перейдем к постиндустриальному развитию, видимо, в 2030 году.

К 2025 году мы должны на $\frac{2}{3}$ *технологически обновить* нашу устаревшую материально-техническую базу, создав задел для того, чтобы к 2030–2035 годам выйти на технологический уровень развитых стран мира по всем основным отраслям. К этому времени мы должны ликвидировать отставание по доле высокотехнологических отраслей, доле инноваций в своем развитии, выйти на передовые позиции в мире по использованию информационно-коммуникационных, нано- и биотехнологий. Мы можем поставить задачу — стать лидером, войти в первую пятерку или десятку стран по уровню образования, ибо именно образование является наиболее революционной отраслью, определяющей будущее страны.

Другой качественной характеристикой нового экономического роста является его *социальная составляющая*, его нацеленность на рост благосостояния населения. Нам нужно как можно скорее — к 2020 году — восстановить реальные доходы населения России, объем розничного

товарооборота и конечное потребление домашних хозяйств, которые в 2014–2016 годах сократились на 10–15%, а число бедных увеличилось на 5 млн человек⁷. Нужно предпринять самые энергичные меры, чтобы максимально снизить уровень бедности, поднять минимум зарплаты хотя бы до 20 тыс. руб. и значительно сократить разницу в душевых доходах. К 2025 году в России не должно остаться семей с душевым доходом менее 15 тыс. руб. (в текущих ценах). Пора осознать: *преодоление бедности* — сверхзадача нашего общества.

Целевая ориентация комплексного плана может иметь и различную глубину в зависимости от того, насколько разные элементы всей народнохозяйственной системы подчинены ориентации на целевые показатели. Наиболее последовательную ориентацию предлагает *программно-целевой подход*. В этом случае цель обосновывается конкретной системой мероприятий, ранжированных по приоритетности в достижении этой цели. Последовательная реализация программно-целевого метода предполагает также наличие целевого финансирования. Программно-целевой метод требует и целевого управления. Должен существовать ответственный за достижение этой цели орган управления, должна быть выделена организация, являющаяся головной. В ряде случаев наряду с административным руководителем должен назначаться и научный руководитель, создаваться совет специалистов/экспертов и т. д.

Программно-целевой метод особенно важен в тех случаях, когда имеет место катастрофическое отставание и нужно его быстро ликвидировать, осуществив не просто улучшение тех или иных показателей, а прорыв. К таким показателям в России относится, например, обеспеченность комфортным жильем, где на душу населения мы имеем только 16 кв. м жилья, обеспеченного как минимум туалетом, душем, холодным и горячим водоснабжением, против 30–40 кв. м в Европе и 60 кв. м — в США. Катастрофически велики у нас показатели смертности, детской смертности и особенно смертности в трудоспособном возрасте, где смертность на 100 тысяч человек населения в 3–3,5 раза выше, чем в развитых странах.

От этого напрямую зависит важнейший показатель благосостояния людей — *ожидаемая продолжительность жизни*. У нас она около 72 лет, а у мужчин — даже 66 лет. Это — на уровне показателей развитых стран в начале 1970-х годов — более 40 лет назад. Сегодня у крупнейших стран Европы — Испании, Италии, Франции, Великобритании и Германии — этот показатель составляет 81–83 года, у мужчин — 78–79 лет.

⁷ См.: Бюллетень о текущих тенденциях российской экономики, февраль 2017. Доступно в: <http://ac.gov.ru/files/publication/a/11944.pdf>.

В мировом рейтинге мы здесь занимаем позорное 90-е место, отставая не только от 25 развитых стран, но и от более чем 60 развивающихся стран и стран с переходной экономикой, уступающим нам по уровню экономического развития. Программно-целевой метод мог бы использоваться в здравоохранении и для преодоления невысокой доступности квалифицированной медицинской помощи по отдельным регионам России.

3. Ключевая роль финансово-кредитной системы страны в обеспечении запланированных результатов

Наличие единых целевых плановых показателей, носящих директивный характер по предприятиям и организациям, контролируемым государством, и индикативный характер для частного сектора, должно быть обеспечено финансовыми средствами, достаточными для достижения этих показателей. Поэтому важнейшей органической составной частью комплексного плана должен стать *единый финансово-кредитный план страны*, нацеленный на достижение поставленных результатов. Главная часть этого плана — программа инвестиций в основной капитал и связанная с ней программа вложений в человеческий капитал (в сферу «экономики знаний»). В этих программах должны быть прежде всего четко определены источники инвестиций: активы банков, золотовалютные резервы, средства государственного бюджета, средства корпораций, контролируемых государством, средства от приватизации, возможные займы у населения, дополнительные средства от предприятий, зарубежные займы государства и др.

Также в этой программе, конкретно в отраслевом разрезе, должна быть отражена направленность этих инвестиций на технологическое обновление действующего производства, на создание новых мощностей (в том числе предприятий) в высокотехнологических отраслях, на создание современной транспортно-логистической инфраструктуры, и прежде всего автострад и скоростных железных дорог, на удвоение жилищно-коммунального, социального, бытового строительства, на подъем всей сферы «экономики знаний».

Целевой направленности управления лучше всего соответствует выделение средств путем инвестиционного кредитования. Инвестиционный кредит, как известно, выделяется после рассмотрения и утверждения бизнес-плана проекта. Он носит возвратный характер и предусматривает окупаемость проекта, что предполагает его эффективность и использование всех средств по прямому назначению под жестким контролем коммерческого банка, который выделяет этот кредит за счет активов банка и должен вернуть его в полном объеме и в срок. Этот кредит лучше любой другой

формы финансирования прямо нацелен на получение конечного результата.

Источниками инвестиционного кредитования могут быть не только активы самой банковской системы — оно может осуществляться и по линии государственного бюджета. Могут быть привлечены средства, полученные от приватизации, часть золотовалютных резервов (100 млрд долл. из совокупных 400 млрд долл.) на возвратной основе, финансовые ресурсы, которые в виде долговых обязательств может привлечь государство. Облигационные займы населения на жилищное строительство, на производство легковых автомобилей, на обустройство приусадебных участков тоже могут вкладываться в эти сферы через инвестиционное кредитование. Поэтому доля инвестиционного кредитования постепенно в России могла бы вырасти в разы и к 2025 году достигнуть 30–40% всех инвестиций.

При этом среди источников социально-экономического роста всё большую роль должен играть прирост человеческого капитала за счет опережающего развития сферы «экономики знаний». Его следствием будет рост благосостояния людей, формирование массового среднего класса, сведение к минимуму бедности. При таком подходе финансово-кредитный план всей страны, его инвестиционная программа, будут жестко нацелены на получение конкретных конечных результатов социально-экономического развития.

Такой подход позволит преобразовать наш бюджет в *бюджет развития с конкретными целевыми показателями*, в то время как сейчас расходная часть бюджета — это просто роспись направлений финансирования без указания результатов, которые в бюджетный период будут достигнуты за счет этого финансирования. Это коренным образом изменит отчетные характеристики бюджета, которые сегодня носят анекдотический характер: где сравнивается, сколько хотели потратить денег и сколько потратили, а не результаты развития народного хозяйства, полученные за счет дополнительного финансирования, изысканного по бюджетной линии.

Таким образом, составление бюджета не должно быть делом Министерства финансов. Это должна быть комплексная работа на уровне руководителей правительства. Акцент деятельности Минфина должен быть перенесен на экономное и эффективное использование бюджета для получения запланированных результатов.

При этом единый государственный план (включая его финансово-кредитное обеспечение) надо рассматривать на высшем уровне — в Федеральном Собрании, а уже в его рамках — вначале основные направления расширенного консолидированного бюджета и только потом — более детальный федеральный бюджет.

4. «Дорожная карта» по стимулированию инвестиций и экономического роста и по институциональным преобразованиям (структурным реформам) как неотъемлемая часть комплексного плана

Предлагаемая программа форсированных инвестиций в основной капитал и вложений в «экономику знаний» как главную составляющую часть человеческого капитала может привести к ускоренному социально-экономическому развитию только при создании благоприятных для этого условий. Главным условием здесь является сокращение инфляции с 7,1% в 2016 году (в годовом исчислении) до 3% к 2019 году и соответствующее сокращение ключевой ставки Центрального банка с 9 до 4%. В этом случае массовые инвестиции смогут быть окупаемы и привести к запланированным результатам.

Надежда на то, что Банк России сможет самостоятельно обеспечить такое снижение инфляции и ключевой ставки, вряд ли может считаться состоятельной. И дело здесь не только в политике Банка России — и даже не столько в ней. Главное, что инфляция в России на $\frac{2}{3}$ не зависит от действий Банка России и не определяется монетарными факторами, на которые он может воздействовать. Колоссальная сумма денежных средств впрыскивается в народное хозяйство через государственный бюджет. Огромное влияние на уровень цен оказывает государственная монополия в ключевых отраслях — нефтяной, газовой, энергетической, жилищно-хозяйственной, транспортной. Само государство ежегодно централизованно повышает важнейшие цены, входящие в себестоимость других товаров, — цены на электроэнергию, газ, воду. Ориентируясь на государство, РЖД ежегодно повышает, причем на уровне выше роста потребительских цен, свои тарифы, перекладывая свои недостатки и трудности в развитии на предприятия, организации и население.

Таким образом, если мы хотим наверняка снизить инфляцию до 3% (а это обязательно для ускоренного экономического развития), необходимы совместные усилия правительства, Банка России и всех государственных организаций. Поэтому целесообразно разработать трехлетнюю президентскую программу сокращения инфляции до 3% и ключевой ставки Банка России до 4%. Без подобных гарантий серьезный рост экономики обеспечить не удастся.

Для форсированных инвестиций и ускоренного экономического роста крайне важно стимулировать наиболее значимые направления вложений. Поскольку экономический рост связан с технологическим обновлением действующего производства и вводом новых мощностей (предприятий) для высокотехнологических отраслей, требуются льготы предприятиям и организациям, которые в этом участвуют. На

время технологического обновления и создания новых мощностей (предприятий) необходимо вводить налоговые каникулы, облегчая этот трудный и сложный период для предприятий и организаций. Предприятия и организации будут нуждаться в крупномасштабных закупках машин, оборудования, различных изделий и материалов в других странах, особенно в том случае, если они не производятся в нашей стране. Целесообразно отменить таможенные пошлины и ввести льготы на все приобретения, что будет способствовать экономическому росту.

Наши банки избалованы донельзя. Они предоставляют кредиты только под залог, что делает невозможным освоение крупных проектов на основе окупаемости. Необходимо переходить, как говорил Президент РФ Владимир Путин, к *проектному финансированию*. Однако его поручение Минэкономразвития «выполнило» таким образом, что проектное финансирование за прошедшие годы не могло получить сколь-нибудь заметного развития из-за сложной бюрократической системы. Следует упростить и сделать прозрачной эту систему, перейдя *в массовом масштабе* к предоставлению кредита в виде проектного финансирования.

Мы по праву гордимся фактами *импортозамещения*, которые в России бывают практически в одном случае — когда резко девальвируется рубль. В период стагнации и рецессии 2014–2016 годов рубль девальвировался в два раза, и в ряде отраслей, прежде всего в сельском хозяйстве, пищевой и в легкой промышленности, импортозамещающие предприятия заняли новые ниши. Но рубль стал укрепляться из-за некоторого повышения цен на нефть, и в правительстве возникла «паника» — Минфин даже выступил с предложением централизованно девальвировать рубль на 10%. Однако мало что было сделано для того, чтобы импортозамещающие предприятия стали конкурентоспособными, что предполагает их техническое обновление с помощью дешевого инвестиционного кредита.

Стимулы нужно ввести также для *экспортноориентированных предприятий и организаций*, прежде всего поставляющих на мировой рынок готовые товары и услуги с высокой добавленной стоимостью. Льготы, которые были предоставлены предприятиям и организациям в области информационных технологий, занятых разработкой программного обеспечения, позволили им в условиях девальвации рубля при введении определенных льгот в налогообложении и обязательных социальных платежей удвоить экспорт этих услуг до 7 млрд долл. Это хороший результат, но, увы, совершенно несопоставимый с тем, что сделала в этом отношении Индия, введя более серьезные меры стимулирования этого сектора и добившись за последние 20 лет увеличения экспорта программного обеспечения (офшорного программирования) до 108 млрд долл. в год, что позволило ей выйти на второе

место в мире (после США) по объемам разработки программного обеспечения.

А ведь мы в свое время опережали Индию в работе по подготовке программ и в целом имеем более квалифицированных программистов, более высокую математическую культуру, более продвинутые факультеты в университетах по подготовке специалистов по прикладной математике. Но только сейчас мы стали делать первые шаги в этом направлении. Нам предстоит совершить большой рывок в развитии всей сферы цифровой экономики как будущей основы нашего социально-экономического развития в соответствии с задачами, поставленными Президентом РФ Владимиром Путиным. В частности, можно было бы увеличить объемы офшорного программирования к 2020 году до 15–20 млрд долл., а к 2025-му — до 40–50 млрд долл.

Насколько действенно подобные стимулы влияют на экономическую деятельность, демонстрирует небывало *высокий рост сельского хозяйства*. За последние 9 лет (2008–2016 годы), из которых 6 лет пришлось на кризисы и стагнацию, а 2 года (2010-й и 2012-й) в сельском хозяйстве были попросту неурожайными из-за сложных погодных условий, его производство выросло на 35%, в то время как промышленность — на 5%, а ВВП — на 8%.

В годы кризиса и стагнации сельское хозяйство стало драйвером нашего социально-экономического развития, обеспечив наполовину наш экономический рост. При этом всё улучшение показателей сельского хозяйства, особенно серьезное по производству мяса, зерна, технических культур, картофеля и овощей, произошло у нас не столько за счет использования дополнительных ресурсов, сколько за счет повышения урожайности и показателей продуктивности животноводства. Производительность труда в сельском хозяйстве выросла на 49%, в то время как по народному хозяйству и промышленности она стагнирует. Значительно — до 20% — поднялась и рентабельность.

Важны также административные стимулы для перехода к форсированным инвестициям и экономическому росту, для чего необходимо до конца устранить бюрократизм при согласовании инвестиционных проектов. В целом по стране в последнее время мы серьезно продвинулись в этом отношении, и место России в международном рейтинге *Doing Business* за последние 4 года повысилось со 120-го до 40-го.

В создании благоприятных условий для форсированных инвестиций и экономического роста решающее значение имеют *структурные преобразования (реформы)*. Из главных направлений таких преобразований прежде всего отметим необходимость снижения в экономике доли государства, размеры которой приняли угрожающий характер. Как минимум треть всех государственных предприятий и организаций не выполняют никаких государственных функций, а занима-

ются чисто коммерческой деятельностью — наподобие Волжского автозавода, по большей части принадлежащего государству. Это обычные коммерческие предприятия, работающие на прибыль и обогащение не столько государства, сколько собственного коллектива, тем более что государство не контролирует уровень зарплаты у этих организаций.

В России объявлена и начата *крупномасштабная приватизация*, которая в 2016 году принесла государству более 1 трлн руб. Но сейчас она сворачивается. В принципе, приватизация могла бы сократить долю предприятий и организаций, контролируемых государством, в ВВП с 70% хотя бы до 50% к 2025 году, что расширит сферу частной собственности, которая, как показывает международный и наш собственный опыт, создает более эффективные стимулы для работы в коммерческой сфере.

Другое направление усилий — активизация антимонопольной деятельности, реформирование таких монополий, как РЖД, «Газпром», «Роснефть», Сбербанк, ВТБ, и ряда других с созданием более сильной конкурентной среды в сферах, где сегодня доминируют эти и подобные им монополии, в том числе принадлежащие олигархическим структурам, например в отдельных отраслях металлургии.

Нам предстоит приложить серьезные усилия по реформированию и преобразованию своей недоразвитой финансовой системы. Нужно резко поднять долю «длинных денег» в пассивах и активах наших банков, в 3—5 раз повысив долю инвестиционных кредитов, в том числе долговременных кредитов на профессиональное образование. Предстоит также развить небанковские фонды «длинных денег», общий объем которых сегодня едва достигает 10% ВВП или объема банковских активов. Долю небанковских «длинных денег» нужно увеличить к 2025 году хотя бы на порядок, то есть в 10 раз, уделив особое внимание страхованию всех рисков и страхованию жизни. Следует всемерно развивать паевые фонды, стимулируя население вкладывать в них сбережения. Весьма крупными в перспективе должны стать накопительные пенсионные фонды, если перейти на накопительную систему пенсий, распространенную во многих странах мира. Необходимо стимулировать создание отдельных инвестиционных организаций, в ряде случаев вывода их из состава банков. В коренном улучшении, и прежде всего в насыщении длинными деньгами, нуждается и наш фондовый рынок, который пока не стал реальным рынком капитала, отсутствующим в нашей рыночной экономике. А ведь рынок капитала — важнейшее условие финансирования экономического роста.

Серьезные меры предстоит осуществить и в области *налоговой реформы*, которую нужно будет провести в соответствии с поруче-

нием президента с таким расчетом, чтобы она начала действовать уже с 2019 года. На наш взгляд, можно несколько снизить общую налоговую нагрузку в России — с 35% до примерно 25% ВВП, в первую очередь за счет частичного переноса обязательных страховых платежей по пенсиям и по здравоохранению с предприятий и организаций на доходы населения, индексируя при этом заработную плату и другие доходы с тем, чтобы при таком переходе не произошло реального снижения доходов. При этом частным организациям сокращение прибыли, которое произойдет из-за повышения себестоимости в связи с ростом зарплат, можно было бы компенсировать путем снижения налогообложения.

Следовало бы ввести для населения нормальный налог на недвижимость в размере 1% ее стоимости в год, как в других странах, — также компенсируя дополнительные расходы населения индексацией зарплат и других доходов. Этот налог мог бы стать основой финансирования местных органов, что будет иметь большое значение и для формирования гражданского общества, которое получит благоприятную базу для своих инициатив.

Предстоит, на наш взгляд, освободить от налогообложения малообеспеченные семьи, изменив само понятие «малообеспеченность». Малообеспеченность лучше оценивать как доход на человека в размере менее половины от уровня медианного дохода в стране, как это сделано в Германии и в ряде других европейских стран. На сегодня это около 12 тыс. руб. в месяц. Такие семьи должны быть полностью освобождены от уплаты подоходного налога, а утраченная здесь сумма может быть возвращена в бюджет за счет повышения размера налога для более состоятельных граждан, имеющих доход вдвое и более среднего.

Что касается богатых и сверхбогатых граждан, то здесь нужны специальные меры, чтобы они платили больше налогов в том случае, если это богатство они используют не в целях инвестирования или финансирования каких-то сфер, пусть даже сохраняющихся в их собственности, а на удовлетворение личных потребностей своей семьи. Этому будут способствовать предлагаемая прогрессивная система налогообложения, налог на недвижимость, перевод на рыночные основы всего жилищно-коммунального хозяйства, солидарная система обязательных платежей на здравоохранение и на пенсионное обеспечение.

Предлагается также обложить дополнительными налогами в виде акцизов предприятия и организации, нацеленные на обслуживание богатейших слоев населения. Нужно продумать специальное налоговое законодательство в области наследства, дарения крупных состояний и других возможностей передачи имущества. При этом целесообразно освободить от налога те средства богатых семей, ко-

торые в той или иной степени идут на социальное развитие, на благотворительность, на социальную защиту и на вложения в фонды «длинных» денег.

Всё это будет способствовать сокращению разницы между средним душевым доходом 10% зажиточных семей и бедных семей с нынешних 15–16 раз до 8–10 раз к 2025 году, то есть до уровня западноевропейских стран. В результате новой налоговой реформы доля населения в уплате налогов повысится с 15 до 40%, а доля бизнеса сократится с 85 до 60% при общем снижении налогового бремени. Тем самым бизнес получит двойной дополнительный стимул для экономического роста и у него останется намного больше денег для финансирования этого роста. При этом индексация зарплаты в связи с введением новых налогов и обязательных сборов на пенсии, на здравоохранение, на профессиональное образование с населения повысит заработную плату примерно в 1,4 раза и, соответственно, сделает более выгодным рост производительности труда, более эффективным использование рабочей силы. А у самих работников появятся дополнительные стимулы повышения квалификации, интенсивности труда для получения большего дохода.

Одним из важнейших предстоящих институциональных преобразований является *коренное улучшение системы регионального управления*. Сегодня около 90% всех регионов находятся на дотационной, то есть самой худшей, дестимулирующей системе. Нет стимулов увеличивать собственные доходы, ибо в этом случае получишь меньшую дотацию из центра и лучше жить не станешь.

Главное в дотационной системе — ходить с протянутой рукой, с подарками и подношениями, добиваясь от ведомств выделения дополнительных средств по разным поводам вместо того, чтобы заниматься собственным хозяйством. Руководители регионов непрерывно сидят в Москве, курсируя из кабинета в кабинет.

Все другие страны с федеральным устройством давно перешли к нормальной системе управления и финансирования. Субъекты федерации в Германии, США, Канаде переведены на самоуправление, самофинансирование и самоокупаемость. У них отработана такая система налогов, которая покрывает расходы на их обязательства при экономном и эффективном ведении дел. К такой же системе надо перейти и России.

Сегодня большинство относительных крупных областей, краев, автономных республик России может быть переведено на подобную систему самоуправления, поскольку сумма налогов у них существенно превышает региональный бюджет. Просто государство одной рукой изымает больше чем нужно из регионов, а затем другой рукой часть изъятого возвращает для балансирования обязательств и средств регионального бюджета.

Небольшие по населению и экономике субъекты, которые не смогут балансировать доходы с расходами, в ряде случаев можно было бы слить в укрупненные регионы, сделав их полноценными с точки зрения самофинансирования и самоуправления. Переход регионов на самоуправление позволит резко поднять их заинтересованность в социально-экономическом росте, в улучшении своих показателей. Реформирование регионального управления потребует провести и определенную децентрализацию банковской и финансовой деятельности. Концентрация в Москве 65% всего банковского капитала сдерживает экономический рост.

Крупные структурные реформы предстоит провести и *в социальной сфере*. Частично об этом говорилось в связи с налоговой реформой. Но дело не только в ней. Главная социальная проблема России — снижение уровня бедности. Доля бедных в России намного выше, чем не только в развитых странах, что понятно, но и во многих развивающихся странах. В России возникла огромная дифференциация в доходах. 1% крупных собственников у нас владеют 71% всего личного имущества населения, в то время как в США и во многих других развитых странах — только 40%. Поэтому нам надо серьезно изменить социальную политику с тем, чтобы резко улучшить жизнь малообеспеченных семей, тем более что речь идет в основном о многодетных семьях. И хотя их доля составляет около 15% всего населения, то есть более 20 млн человек, они охватывают около 30% всех детей, для которых малообеспеченная жизнь оборачивается проблемами ухудшения здоровья, неблагоприятными условиями, в которых им приходится учиться, что приводит к низкому уровню их образования.

Бюджеты России выплачивают значительные социальные пособия десяткам миллионов человек. Но лишь меньшая часть из этих социальных пособий достается действительно бедным. Эти пособия не нацелены на ликвидацию бедности, и значительная их часть поступает людям, которые в них не особо нуждаются. Поэтому для решения проблемы бедности необходима коренная реорганизация системы наших пособий, льгот, налогов, с адресной ориентацией на помощь многодетным и малообеспеченным семьям.

Если говорить о социальной сфере в целом, рассматривая международные рейтинги России по экономическим и социальным показателям, то только один показатель из социальной сферы соответствует уровню экономического развития нашей страны. Из 150 стран мира по уровню экономического развития Россия занимает 43 место. Из социальных показателей лучший наш показатель — уровень образования: Россия здесь занимает 30 место. По всем остальным социальным показателям место России намного

ниже ее места по уровню экономического развития. Наш уровень реальной зарплаты и реальных доходов в рейтинге — 50–55 место. По индексу социального развития, включающему показатели ожидаемой продолжительности жизни, Россия перемещается на 65 место. По жилищным условиям мы в лучшем случае на 80-м, а по ожидаемой продолжительности жизни — на 90 месте. По уровню жизни пенсионеров Россия находится на 78 месте. Недавно Всемирная организация здравоохранения поставила Россию на 119 место по качеству здравоохранения.

Если взять финансирование отдельных социальных сфер, то здесь Россия в мировых рейтингах тоже находится примерно на 90 месте — и по финансированию образования (около 3,5% ВВП), и по финансированию здравоохранения (менее 4% ВВП). На 1000 человек населения Россия вводит 500 м² жилья, а многие развитые страны, например Франция и США, — больше 1000 метров. Поэтому нам нужно коренным образом изменить отношение к социальной сфере и всю политику экономического роста проводить с акцентом на приоритетное выделение средств, полученных от экономического роста, на решение социальных проблем.

Для эффективного развития экономики, разумеется, необходимы определенные реформы и других сторон нашей жизни, в том числе в судебно-правовой области, в политической сфере и др. Не будучи специалистом, представляю решать эти вопросы профессионалам. Россия — страна огромных возможностей, и потому вера в ее светлое будущее — всегда с нами.

Литература

1. Аганбегян А. Как преодолеть стагнацию и восстановить экономическое развитие // *Эко*. 2016. № 2.
2. Аганбегян А. Как оздоровить российский бюджет? // *Экономическая политика*. 2015. № 4.
3. Аганбегян А., Руденский И. О роли банковской системы России в преодолении рецессии и возобновлении роста // *Проблемы теории и практики управления*. 2016. № 8. С. 8–19.
4. *Актуальные вопросы экономической стратегии России*. М.: Издание Государственной Думы, 2014.
5. Андриюшкевич О. Индикативное планирование в экономиках разного типа // *Капитал страны*. Доступно в: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/199716/#a1>. 2012.
6. Ведута Е. Стратегия и экономическая политика государства. М.: Академический проект, 2003.
7. Мау В. Антикризисные меры или структурные реформы: экономическая политика России в 2015 году // *Вопросы экономики*. 2016. № 2.
8. Медведев Д. Новая реальность: Россия и глобальные вызовы // *Вопросы экономики*. 2015. № 10.

9. Медведев Д. Социально-экономическое развитие России: обретение новой динамики // Вопросы экономики. 2016. № 10.
10. Смирнова О. Основы стратегического планирования Российской Федерации. М.: Изд. дом «Наука», 2013.

Ekonomicheskaya Politika, 2017, vol. 12, no. 4, pp. 8-29

Abel G. AGANBEGYAN, Academician, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (82, Vernadskogo prosp., Moscow, 119571, Russian Federation).

E-mail: aganbegyan@rane.ru

What Package Plan up to 2025 Does Russia Need?

Abstract

The article shows that the resumption of socio-economic growth after the stagnation and recession of 2013–2017 will be a much more difficult task than overcoming the crisis of 2009. The reasons for this are the absence of a post-crisis recovery, and the need to mobilize new sources of growth and overcome the forces that are pulling our economy down, including sanctions. The old sources of economic growth — high oil prices, foreign capital inflows, outstripping increase of the budget and loan funds — are a thing of the past now. As regards economic growth, the absence of an elementary coordination between different branches of the government is the main reason for stagnation and recession. The author justifies the need for a unified package plan of social and economic development which would cover the expanded consolidated budget, including regional indicators, the largest corporations controlled by the state (Gazprom, Rosneft, Russian Railways, Rosatom, Rostechologies), state banks controlling 60% of all banking assets of the country, other non-budgetary enterprises, and organizations of federal, regional and municipal levels. It is shown that in 2013–2015, the absence of such a unified plan resulted in reduction of the state-controlled investments by 25%. In turn, this led the country to stagnation and recession. Based on the above, the country does not need a long-term program traditionally compiled by the Ministry of Economic Development in the form of a report with projected addressless indicators, but a real comprehensive plan with targeted indicators for enterprises and organizations controlled by the state; with a unified finance and credit (project) plan, including a specific investment program; with an innovative program; and with a system of incentive measures and structural reforms, including a tax reform.

Keywords: package plan, investment program, innovative program, structural reforms, tax reform.

JEL: O10, O11, O13, O15, O16.

References

1. Aganbegyan A. Kak preodolet' stagnatsiyu i vosstanovit' ekonomicheskoye razvitiye [How to overcome stagnation and restore economic development]. *Eko*, 2016, no. 2.
2. Aganbegyan A. Kak ozdorovit' rossiyskiy byudzhets? [How to Improve the Russian Budget?]. *Ekonomicheskaya politika*, 2015, no. 4.
3. Aganbegyan A., Rudenskiy I. O roli bankovskoy sistemy Rossii v preodolenii retsessii i vozobnovlenii rosta [About the Role of the Russian Banking System in Overcoming

- the Recession and Resuming Growth]. *Problemy teorii i praktiki upravleniya [Problems of the Theory and Practice of Management]*, 2016, no. 8, pp. 8–19.
4. Aktual'nyye voprosy ekonomicheskoy strategii Rossii [Actual Issues of Russia's Economic Strategy]. Moscow: Izdaniye Gosudarstvennoy Dumy, 2014.
 5. Andryushkevich O. A. Indikativnoye planirovaniye v ekonomikakh raznogo tipa [On Indicative Planning in Economies of Different Types]. In: *Kapital strany [The Capital of the Country]*. Available at: <http://www.kapital-rus.ru/articles/article/199716/#a1>. 2012.
 6. Veduta Ye. *Strategiya i ekonomicheskaya politika gosudarstva [Strategy and Economic Policy of the State]*. Moscow: Akademicheskij proyekt, 2003.
 7. Mau V. Antikrizisnyye mery ili strukturnyye reformy: ekonomicheskaya politika Rossii v 2015 godu [Anti-Crisis Measures or Structural Reforms: Russia's Economic Policy in 2015]. *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 2.
 8. Medvedev D. Novaya real'nost': Rossiya i global'nyye vyzovy [New Reality: Russia and Global Challenges]. *Voprosy ekonomiki*, 2015, no. 10.
 9. Medvedev D. Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Rossii: obreteniyenovoy dinamiki [Social and Economic Development of Russia: Finding New Dynamics]. *Voprosy ekonomiki*, 2016, no. 10.
 10. Smirnova O. *Osnovy strategicheskogo planirovaniya Rossiyskoy Federatsii [Fundamentals of Strategic Planning of the Russian Federation]*. Moscow: Izd. dom "Nauka", 2013.